

МОЖНО ЛИ ПЕРЕДЕЛАТЬ ЛЮДЕЙ

Алексей Герман снимает новый фильм

Независимая газ. - 2001. - 13 окт. - с. 11
Максим Котин

АЛЕКСЕЙ ГЕРМАН, вместе со своей съемочной группой вернувшийся из Чехии в Петербург, продолжает работу над экранизацией культового романа братьев Стругацких «Трудно быть богом». После нескольких недель съемок в павильонах «Ленфильма» творческий процесс вновь переведен на природу — на дамбу, недалеко от того места, где снимался памятный клип про тучи группы «Иванушки International».

Когда мы спросили водителя, знает ли он место, где сейчас на дамбе снимается кинолента, он

сразу кивнул. Только благодаря осведомленности шофера мы не пропустили остановку — из окна автомобиля сразу не увидишь невысокие декорации, выстроенные в том месте, где сходятся, образуя узкий пролив, берега дамбы и Северного форта. С дороги лучше видны новые жилые постройки — небольшой одноэтажный дом из железа, две брезентовые палатки и деревянное строение из свежей древесины. Нас встречает рыцарь в средневековых доспехах, поедая лапшу, и врач с табличкой, на которой изображен красный крест и выведена надпись «Трудно быть богом». В одной из палаток как раз идет трапеза — благородные доны, серые офицеры и мел-

кие бродяги за одним длинным столом набивают желудки перед рабочей сменой. Впереди «режимные» — вечерние — съемки. Пока площадка пуста, мы идем осматривать декорации. Черное, стоящее на сваях здание с террасой изображает памятную таверну «Серая радость», в которой будет происходить историческая битва барона Пампы, дон Руматы и серых офицеров. «Радость» выглядит весьма безрадостно — унылость черных «сгнивших» бревен дополняют грязь и обильно рассыпанный повсюду мусор. Неподдалеку от основного места действия лежит большая куча сомнительного происхождения. В таверне особенно обращает на себя внимание

Алексей Герман-младший (крайний слева), который сейчас снимает свой фильм, приехал посмотреть на работу отца.

Индивидуальная работа с актером.

Входят в роль.

Гримерам приходится немало потрудиться, чтобы достичь нужной степени уродства.

расположенная снаружи печь с огромной трубой. Дополняя картину, уныло шумит холодное Балтийское море.

— Господа, внимание! Обед закончен. Всем занять исходные позиции, — объявляют через мегафон.

Вскоре массовка заполняет съемочную площадку. В картине у Германа снимаются люди, хорошо известные многим. Это не только одиозный шоумен Леонид Ярмольник, исполняющий роль дон Руматы, но и те граждане, которых мы привыкли видеть в переходах метро с протянутой рукой или гитарой на плече. Лица «эпизодников», мягко говоря, далеко не жизнерадостные. Кому не хватает своей «фактуры», ее щедро добавляют гримеры — благо в искусственных язвах недостатка нет. «Натуральных» отличить просто — божки держатся особняком. Молодой человек торопливо протирает тряпочкой рельсы, по которым будут катить операторскую тележку, и нас выгоняют из декораций.

Вот уже несколько дней работа идет над одним кадром. Здесь дон Румата приезжает в «Серую радость» и встречается с бароном Пампой. Сначала работают «субъективной» камерой — зритель видит мир глазами Руматы. В панораме последовательно должны появиться следующие герои: абсолотно голый человек на другом берегу «реки», паромщик, чело-

век с петухом, человек с рыбой, играющие в мяч дети, рыбак, офицер на коне, огнешающийся человек, белая лающая собака. Затем зритель видит дон Румату, слезающего с коня, и момент встречи друзей, окруженных веселящимися завсегдатаями «Серой радости».

Первый прогон проходит без участия Германа. Хотя все знают свои цели и задачи, сразу начать не удается. У одного «эпизодника» поверх обычной обуви не лезут сапоги — ему раздраженно советуют надеть их «для удобства» поверх валенок. Больше всего хлопот доставляет дворняга Снежок, не желающий занять положенное место на бочке. «Снежка на бочку!» — требует мегафон. Пока собаку усаживают на место, начинается дождь, и над Ярмольником заболитливо раскрывается зонтик. Ярмольник одет в кожаные брюки, белую шелковую рубашку и средневековую куртку без рукавов. За спиной торчат два меча...

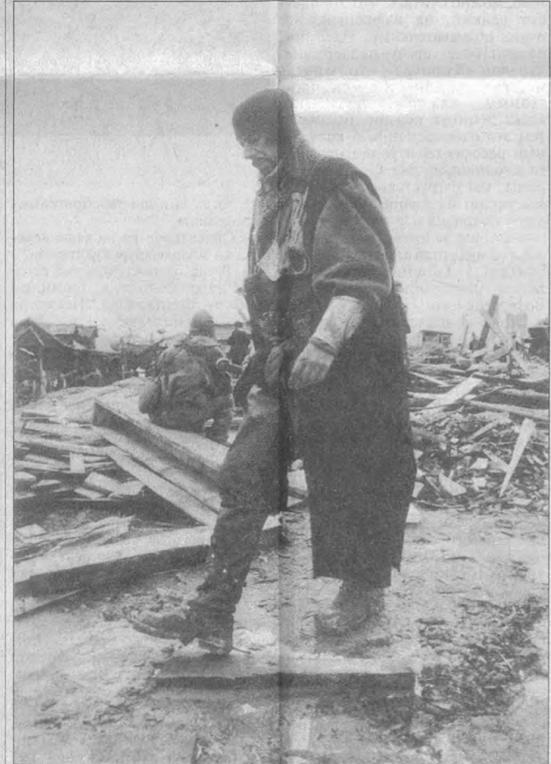
После первого прогона появляется Герман — в свитере, брюках со стрелками и резиновых сапогах. На голове — черная вязаная шапочка, весьма небрежно надетая — словно колпак. Увидев на площадке журналистов, режиссер решает уделить прессе немного внимания.

Из короткой беседы мы узнаем, что декорации, которые строились в течение двух месяцев, Герману не очень нравятся: «подход» к «Се-

рой радости» интересный, а сама таверна вполне сошлась бы для голливудского блокбастера (а это не очень хорошо).

В паузах Ярмольник сидит на бревне и зевает. «Я не понимаю, чего мы ждем — «режима» или зимы? — резким недовольным голосом спрашивает он. — Наверное, мы ждем, чтобы кадр совпал с бомбардировкой Афганистана».

Наконец зовут пиротехников. В залив уплывает лодка с дымовыми шашками. Немало времени уходит на то, чтобы расставить костры и дымки. По округе разносится запах керосина. Перед началом съемок первого дубля Герман дает последнее напутствие: «Лена, не забудь почестесь, а то я тебя опозорю». Но сохodu до цесотки не доходит: через пару секунд после команды «Мотор!» режиссер останавливает съемки. Тут же делают новый дубль. «Коля! Перестань ты лицо вытаскивать! Второй дубль губы бишь!» — кричит Герман серому

Декорации возводились в авральном режиме на дамбе через Финский залив.

Для участия в массовке Герман пригласил питерских бомжей.

Леонид Ярмольник со своим дублером. Фото Павла Корнеева.

Очередной дубль.

офицеру на коне... Всего за вечер делают шесть попыток. К концу «режима» атмосфера накаляется: ассистенты носятся как сумасшедшие и покрикивают на «эпизодников». Съемки заканчиваются «естественным» образом — темнеет. Режиссерская группа отправляется в «офис» на совещание.

Предполагается, что фильм будет двухсерийным. Нам сообщают, что снята уже приблизительно

половина картины. Впрочем, это ничего не значит — Герман будет снимать столько, сколько захочет. Перед отъездом интересуемся, доволен ли режиссер сегодняшней работой. Алексей Юрьевич говорит, что один дубль получился хороший. Но завтра все равно будут снимать этот же кадр — с другой точки. Может быть, получится еще лучше.

Санкт-Петербург

СЛОВО РЕЖИССЕРУ АЛЕКСЕЮ ГЕРМАНУ

Про идею

По сути, это трагедия реформаторства. У нас есть человек, которому велели: ничего нельзя делать — человечество должно пройти свою историю. А он начал делать. Он все может, он бог! Но он не может только одного — переделать людей. И тогда в результате он берется за меч и начинает пласть весь город — это его страшное поражение. Впрочем, те, что ничего не делали и наблюдали, тоже проигрывают. В сценарии существует очень важная фраза: «Там, где торжествуют серые, там к власти всегда приходят черные». Это неизбежный закон истории.

Про параллели

Черные приходят. Людей вешают, они сами идут с табличками — свалиться, интеллигентки беседуют о прозрачности границ бюджета... не бюджета, а государства. И слышно: «Зато как волно дышитесь в новом освобожденном Арканаре!» Хотя их ведь на веревках ведут по-роть... Это то, что может случиться с нами через пятнадцать-двадцать лет. Но я бы не хотел делать это буквально.

Про отличия

Дон Румата у нас остается на этой планете, хоть земляне его и проклинают. Лысый, страшный, с маленькой армией из трех человек, и он пытается с этими людьми что-то сделать... Сегодняшняя панорама снята: вот это люди, они ужасны, но я их люблю. Вот такую штуку надо поймать как-то.

Про массовость

С одной стороны, мы хотим сделать приключенческую картину. С другой стороны, я уже старенький, чтобы это делать. Мне интересно и порассуждать. Поэтому я не думаю, что это будет массовое кино. Я не иллюстрирую. На меня обязательно посыпятся — вот в книжке то не так, это не так... Поэтому у нас картина и называться будет иначе: «Что сказал табачник с Табачной улицы».

Про табачника

У нас есть раб, который все время говорит, что есть такой табачник с Табачной улицы: все на него орали, но никто не доходит, как надо сделать. А если б спросили, то он, может быть, сказал бы.

Про сцену

Я про «Хрусталева» много разного слышал, но главный европейский киножурнал включил его в число 50 лучших фильмов мира. Поэтому, как там посредством Швыдкого ни закатывают картину, «Хрусталева» их всех переживет. Так же, как пережила «Проверка на дорогах», которая 15 лет пролежала. Так же, как «Лапшин», которого четыре с половиной года держали на полке. «Лапшин» есть, а этих всех нет... Самое главное — не надо сутелиться под клиентом. Первый параграф устава публичного дома.